

ГОРОДСКАЯ ОБЩИНА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДАЛМАЦИИ И ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ПОЛИС

М. М. Фрейденберг

Понятие „Культурная среда” средневекового далматинского города, так интенсивно и успешно изучаемое в последние годы¹ естественно предполагает существование общности в среде горожан. Эта общность неизбежно должна была носить социальный характер. Так возникает задача исследовать социальные связи горожан средневековья, рождающие их культурное единство. Речь идет именно о социальных связях, а не о социальных антагонизмах, не о тех силах, которые разделяют горожан на враждующие группировки — социальные слои, сословия или, может быть, даже классы. Нет, нам кажется необходимым вести речь не о социальной стратификации, а о коллективе, возникающем внутри городских стен и прочно связующим горожан. На роль такого коллектива с наибольшим успехом может претендовать городская коммуна, при условии, конечно, что мы перестанем рассматривать ее исключительно в качестве административного института.

При этом важно учесть, что и сама городская коммуна и ее истоки в последние годы подвергаются самому внимательному изучению. Произошел своего рода „взрыв” интереса к раннему периоду истории далматинского города.² Этот взрыв заметно облегчает изучение этого времени, особенно для иностранного исследователя, ибо все источники этого времени опубликованы и доступны. С другой стороны наметилась тяга к сравнительному изучению европейских городов, к выявлению общего и особенного, особенно на одних и тех же этапах развития, а в связи с этим и к стадийному исследованию городской истории.³ История далматинских городских коммун, живших такой полноценной жизнью и так ярко представленных в источниках, в сопоставлении с другими феноменами европейской истории может дать чрезвычайно интересный материал для сопоставлений.

* * *

В судьбах далматинского города отчетливо вырисовывается период, когда коммуна выступает, как развитой и сложившийся организм. Это

время интенсивной производственной деятельности, когда налицо структура давно сложившихся торговых связей и ремесленных корпораций, социальных групп и сословных градаций, когда города успешно сопротивляются внешнему натиску, наконец, когда приобретают окончательный облик все институты коммунальной жизни. Почти во всех далматинских городах — в Задаре, Сплите, Трогире, Которе это происходит приблизительно синхронно, на протяжении примерно 1260—1400 гг. Это эпоха, которая начинается бурным расцветом во всех областях городской жизни — в торговле, градостроительстве, ремесле, делопроизводстве и завершается утратой городами своей коммунальной свободы под властью Венеции. Условно это время можно назвать эпохой развитой коммуны.

Этот период отчетливо различим и его можно использовать в качестве точки отсчета для последующего рассмотрения, которое я хотел бы произвести в ретроспективном плане. Следующий в этой ретроспективе, т. е. более ранний период и датировать и оценить труднее. Естественно, что в нем должны только вызреть черты развитой коммуны — в это время еще нет писаного права и нотариата, нет и сложившегося Большого совета. Можно спорить относительно начальной грани этого периода, можно считать этой гранью время первого упоминания (появления?) консулата в отдельных городах, например, в Задаре,⁴ но мне кажется, что более правильным было бы взять в качестве точки отсчета событие, затрагивающее все стороны жизни города. Таким событием, на мой взгляд, является предоставление далматинским городам со стороны венгерского короля Коломана жалованных грамот 1107—1108 гг., за которыми в литературе закрепилось название дипломов „трогирского типа”.⁵

Содержание этих дипломов изучено⁶ настолько хорошо и их место в истории средневекового хорватского права установлено настолько уверенно, что нет необходимости сколько-нибудь подробно останавливаться на них. Ясно, что они действительно образуют рубеж в истории далматинских городов и этот рубеж сводится к фиксации городской автономии: за городами закрепляется автономия — этот важный компонент коммунального устройства.⁷ И теперь нам уже не приходится сомневаться в коммунальном характере закрепляемых за городом прав — уровень административной, правовой и финансовой независимости, зафиксированной в дипломах, свидетельствует об этом. Таким образом, начальный момент существования городской коммуны твердо фиксирован.

Этот период, начавшийся дипломами трогирского типа, будет продолжаться до 1260-х гг. (или, если говорить точнее, до последней трети XIII в.) и этот рубеж — 1260-ые гг. избран нами не случайно. В это время происходит не только взлет городской экономики, но намечаются и значительные перемены в системе самоуправления. Назовем их хотя бы эскизно: не в этом заключается сейчас наша задача. Во-первых, к этому времени складывается тот орган управления, который вытеснит из сферы администрации предшествующие ему общие собрания горожан, городские сходки. Это — Большой совет (*consilium generale, maius*). В

Сплите он, например, упомянут в первый раз в 1241 г.,⁸ в Дубровнике — в 1235,⁹ в Задаре — около 1260.¹⁰ Создание Совета означает не просто сужение функций, а затем и постепенную ликвидацию городской сходы, но и нарастание элементов аристократизма в системе городской жизни. Любопытным образом это подтверждается историей градостроительства. До середины XIII в. ни в одном далматинском городе нет здания ратуши, в Задаре, например, городская сходка созывается то на площади то в крупных церквах.¹¹ Здания ратуш, „коммунальных дворцов” возводятся в городах почти одновременно — в Задаре оно первый раз упоминается в 1288 г., в Сплите — в 1277, в Трогире — в 1272.¹² Возведение коммунальных дворцов служит показателем того, как сужается круг лиц, привлекаемых к участию в управлении городом. Для этой цели не требуются уже ни городские площади ни соборы, вмещающие множество народа, для нее достаточны сравнительно небольшие залы, где заседает одна-две сотни людей. Процесс отеснения широких слоев горожан от управления городом находит, таким образом, в последней трети XIII в. свое градостроительное воплощение.

Во-вторых, к середине XIII в. складывается и система городского делопроизводства, структура нотариата и порядок хранения документации. Именно от 60—70-х гг. XIII в. (1264 — в Трогире, 1278 — в Дубровнике, 1279 — в Задаре) до нас доходят первые собрания нотариальных актов, нотариальные книги, создаются архивы, нотариусы становятся признанным элементом городской администрации.

Наконец, в-третьих, к этому времени относится и первая фиксация городского права, первичная редакция коммунальных статутов. Их окончательная редакция происходит позднее, в начале XIV в., но составители не скрывают, что первая запись была произведена значительно раньше. Так, в Задаре существовало три этапа в развитии городского писаного права — *lex antiqua*, *lex nova* и *lex novissima*, последний относится к 1290-м гг., а первый примерно к середине столетия.¹³ Сходные явления отмечены и в других городах. Городской статут в Трогире упомянут в 1266 г., в Шибенике в 1260 г. существовала уже вторая редакция городского права, а первая редакция городского статута в Сплите была произведена уже в 40-х гг. XIII в.¹⁴ К середине XIII в. город, таким образом, не удовлетворяется более устным обычным правом, а производит его запись, осуществляя еще одно свое право — *ius statuendi*.

Таким образом, период 1100—1260 гг. в истории городского самоуправления в Далмации можно назвать еще одним этапом в развитии коммунального строя. Если 1260—1400 г. являются эпохой развития коммуны, то 1110—1260 — время коммуны временем ранней. Является он первым, самым ранним?

Мне представляется несомненным, что ему предшествует еще один, еще более ранний, который следовало бы именовать эпохой городской общины. И внимательное знакомство с источниками и мнения, высказанные в последнее время в литературе, убеждают в этом. Одной из первых к этому выводу пришла Н. Клаич, еще в 1964. г. выказавшая мысль о том, что еще до формирования коммуны в Задаре существовала

община, облик которой нам не вполне ясен е что это общинное устройство было еще достаточно примитивным, лишенным твердой организации.¹⁵ Это мнение в самое последнее время было поддержано Л. Маргетичем¹⁶ и вновь развито Н. Клаич в докладе на VI конгрессе югославских историков в 1973 г.¹⁷ Городская община выступает в работах Н. Клаич и Л. Маргетича как самостоятельный этап в развитии города, и к доказательствам, которые они приводят, нам придется еще вернуться.

Таким образом, мысль о существовании общины в истории города уже утвердилась в науке и не только в югославской.¹⁸ Мне хотелось бы сейчас пойти дальше и поставить перед собой двойную задачу: 1) обосновать существование этой общины и 2) выявить ее основные черты. Задача эта совсем не проста, ибо формирование общинного самоуправления происходило в то время, когда Далмация продолжала оставаться в составе Византийской империи и выборные лица этого самоуправления выступали в то же время в качестве должностных лиц византийского чиновничьего аппарата. Забывать об этом нельзя, об этом напоминает монография Я. Ферлуги^{18а} и в самое последнее время исследования Л. Маргетича.

Временем, с которого мы можем отсчитывать этот третий (точнее самый ранний) этап в развитии городского самоуправления, этап городской общины придется считать вторую половину IX в. По свидетельству анонимного автора, написавшего 30-ую главу в „De administrando imperio”,¹⁹ Василий I (867—886) распорядился, чтобы далматинские города платили бы соседним славянским правителям ту дань, которую раньше они вносили византийским чиновникам-стратигам. Дубровник должен был платить 72 номисмы в год, Трогир — 100, Задар — 110, Сплит — 200 и т. д., всего 782 номисмы.²⁰ Сам факт того, что города обладали и источниками городских доходов и правом их собирать и распределять, свидетельствует об известной самостоятельности городского коллектива, пусть в самой зачаточной форме.

Конечно, конец IX и даже весь X век это еще не то время, когда можно говорить о далматинской общине, как о сколько-нибудь развитом центре товарного хозяйства. Только спорадические свидетельства позволяют судить о возникающем ремесле, промыслах, городском рынке. Это данные об артелях (корпорациях) задарских рыбаков в 995 г., о строительстве и камнерезном деле в городах. Отрывочные свидетельства не в состоянии создать цельной картины городского хозяйства, да этого и не требуется. Мы исходим из убеждения, что как ни сильна аграризация далматинских городов, наступавшая в VI—VIII вв., она не в состоянии была превратить бывшие античные муниципии на восточном побережье Адриатики только в сельскохозяйственные поселения. Будущий подъем этих центров на городской основе доказывает это. Поэтому как ни малы свидетельства о ремесле, промыслах и обмене в далматинских приморских центрах IX—X вв. мы считаем, что об общине, возникшей в их стенах, можно говорить как о подлинной городской общине.

Но что дает нам право считать X—XI вв. временем существования особого докоммунального этапа в развитии городского само-

управления? Может быть, это лишь ступень в истории ранней коммуны? Нет, это не так. Чтобы убедиться в этом, стоит вспомнить о ряде признаков, свойственных коммуне и отсутствующих в городе X—XI вв.

В этом городе прежде всего нет **представительства**, вне зависимости от того, как оно называется — консулат. Большой или Малый совет, т. е. нет того узкого состава органа, который сосредоточил бы в своих руках власть, отделенную от широких слоев населения. Правда, и в составе ранней коммуны это представительство (Большой совет) формируется далеко не сразу, а лишь с начала, точнее с середины, XIII в., но тем не менее процесс его складывания намечен. Здесь же, в городской общине его нет.

Далее. Мы не видим в общине той системы выборных должностей, **магистратур**, которые свойственны коммуне и порождены необходимостью обслуживать городской рынок. Это — сборщики пошлин; надзиратели над портом, воротами, весами; мерщики, рыночные судьи; приставы и глашатаи. Их нет по вполне понятным причинам; городская экономика еще не настолько усложнилась, чтобы вызвать потребность во всех этих службах. Но это лишний раз доказывает, как обособлен общинный этап в развитии города.

Наконец, город в X—XI вв. еще не приобрел того **градостроительного** облика — планировки, архитектурного наряда, кольца стен, набора коммунальных зданий, который и в процессе создания и в окончательном виде должен был сильнее всего сплачивать горожан. В самом деле, одни только общие работы по подвозу камня, расчистке порта, возведению стен, ратуши, мола, собора превращали горожан в подобие единого коллектива. А когда все это было закончено, жизнь внутри этих стен, под сенью часовой башни или соборной колокольни резко отделяла горожан от окрестного сельского люда, возвышая их в собственных глазах и придавая им особый, городской престиж. В X—XI вв., город еще не прошел этого градостроительного искусства, он выглядел еще совсем по-деревенски и жители его не получили этого дополнительного стимула считать себя горожанами.

* * *

Но нам нельзя увлекаться перечислением того, чего нет в городской общине, ибо может создаться впечатление, что нет и самой общины. Нам предстоит теперь назвать то, что связует жителей города на этом, раннем этапе. Это прежде всего наличие городского главы, именуемого в начале *rigor*, а впоследствии *comes*, и с последней трети XI в., по прекращении (ок. 1067 г.) действия в городах византийской администрации, выбираемого самими горожанами. В свое время существовало мнение, что горожан связывает пребывание в составе единой христианской общины, общины верующих.²¹ Л. Маргетич убедительно доказывает, что это не так и что епископ вовсе не играл в городе X—XI в. руководящей роли.²² Зато чрезвычайно важным в свете новейших исследований мне представляется существование в раннесредневековых городах Далмации института *трибунов*. Н. Клаич высказала мысль о том, что „трибуны“ из ранних грамот являются порождением не X—XI вв., а более

позднего времени, ибо грамоты X—XI вв. являются подложными и составлены в XII в. Их составители перенесли на X—XI вв. представления XII в. когда трибуны являлись представителями только формирующейся („новосформированной“) коммуны.²³

На вопрос же о том, кем являлись трибуны XII века (и более раннего времени) на наш взгляд, убедительно отвечает Л. Маргетич. Он приходит к выводу, что трибуны были командирами отрядов, входящих в городское ополчение, и воплощали в себе наступление в городах известной военизации („милитаризации“, не совсем удачно модернизирует Л. Маргетич). Их было много — слово „трибун“ (в сокращенной форме — „трун“) проникло даже в ономастику — свидетельство его широкого распространения²⁴ и тем самым широкого размаха этой военизации. Конечно, это не милитаризация развитого классового общества, а обычное приобщение к оружию и военному делу, которое наступает в Европе повсюду в период господства общинных отношений в XII—IX вв. Это — результат перестройки социальной структуры, захватившей также и города. Фигура такого землевладельца, воина и участника общинных сходок, стала характерной не только для деревни, но и для рустифицированного города. Ополчение, возникшее в городах и выдвигавшее фигуру трибуна, и было своеобразным отражением этой общественной перемены.

Весьма симптоматичным в этом смысле мне представляется наблюдение Л. Маргетича о том, что трибун был не только военным командиром, но выполнял и судебную функцию — он присутствовал на процессе и в частности при вынесении приговора.²⁵ При этом следует учесть, что процесс судопроизводства в далматинских городах раннего средневековья испытывает известное упрощение, приобретает черты общинного, „народного“ судопроизводства или известной „варваризации“. Отметим этот вывод — его выносит юрист и знаток средневековой судебной практики.²⁶ Таким образом, трибун, участник судопроизводства и с этой точки зрения иллюстрирует наступление некой общинной стадии в жизни города.

Однако основной чертой городской общинной организации является наличие общей сходки. Первый раз она отмечена в Задаре в 986 г. и затем на протяжении всего XI в. в Задаре, Дубровнике, Сплите, Трогире сходки городского населения отмечаются как постоянно действующий институт принимающий решения по всем важным вопросам городской жизни.²⁷ Она существует под названиями *arenга*, *parlamentum*, *omnes concives*, *omnis populus*. Не будем сейчас вдаваться в решение вопроса о реальной власти сходки. Сейчас важно выяснить, функционирует ли этот орган управления или является функцией? Дело в том, что Л. Маргетич высказал неожиданное мнение о том, что народ собирался только для того, чтобы выслушивать объявления, и что высшим органом власти сходка не являлась и не могла явиться уже потому, что в городе X—XI вв. существовала сильная социальная дифференциация („по имуществу и по положению“). Ее доказательство Л. Маргетич видит в формуле, достаточно краткой и стереотипно повторяющейся „*cum omnibus*

maioribus et minoribus”, „cum magnatibus nec non et minimis”. Обратимся к источникам.

Выясняется, что во-первых эта формула не является единственной, народ не всегда делится на больших и малых. В ряде мест (на о-вах Раб, Крк, Белый в 1018 г., в Биограде в 1075 и 1076 г. и Задаре 1078 и 1091 г.) утверждение крупных решений происходит всем народом (cum clero et populo; omnes habitatores),²⁸ а в отдельных случаях участие народа является вполне реальным — на о. Осор все население острова подписывает важный документ.

Во-вторых, в одном и том же городе (например, в Задаре) народ выступает то расщепившимся на „великих и малых”, то снова недифференцировано. Повидимому, расщепление в среде горожан было не таким уж резким, если время от времени источники позволяют себе забыть о нем.

Конечно, можно догадываться о несколько формальной процедуре в собрании, где присутствует несколько сотен человек.²⁹ Но было бы ошибкой вслед за Л. Маргетичем утверждать, что решения сходки в городах превратились в чистую формальность, ибо там не существовало кворума, подсчёта голосов³⁰ — современные критерии демократичности неприменимы этому времени. Наконец, даже если обозначения „великие” и „малые” скрывают под собой реальные различия в обществе, например, имущественные, то это еще никак не доказывает, что в городе отсутствует община. Ведь тенденция к объединению, присущая средневековым общинам на всех уровнях, вовсе не исключает наличия центробежных сил, она скорее доказывает их существование, ибо и вводится для того, чтобы их уравновесить. Поэтому если „высшие” и „малые” и упоминаются в составе одного и того же собрания, то это значит, что тяга к сплочению оказывается сильнее чем стремление к разъединению.

Городские сходки обладают значительной живучестью. Например, в Сплите ещё в 1223 г. магистраты вместе „со всем народом” (cum universo populo) принимают важное торговое решение,³¹ в 1232 г. они опять со всем народом заключают договор с Дубровником,³² сходка всей коммуны (congregata communitas) решает вопрос об изгнании из города, приглашает подеста и все это происходит уже в 40-х гг. XIII века.³³ Но временем наиболее полнокровного существования сходок является XI век.

Таковы основные черты того этапа в жизни города, который мы выделяем в качестве самого раннего; называя его городской общиной. И мне кажется, что эти черты достаточно определяют этот этап. Разумеется, его невозможно строго обособить от последующего, от времени ранней коммуны. Коломановы привилегии образуют здесь рубеж скорее эффективный, чем реальный. И последующие пласты городской эволюции почти полностью скрывают от нас ранние пласты.

Впрочем иногда не только скрывают, но и обнажают. В некоторых случаях в более позднее время в жизни города внезапно обнаруживаются особенности, которые, казалось бы, плохо согласуются с обликом развитого города, например, города XIV века. Я бы хотел остановиться на этих особенностях, этих даже „странностях”, которые, как мне ка-

жется, представляют интерес в двух отношениях. Во-первых, они генетически связаны с ранними этапами в жизни города, в том числе и с эпохой городской коммуны. А во-вторых, взятые в совокупности, они рисуют очень любопытную модель городского развития. Но обратимся к конкретным данным.

Начнем со свидетельств о существовании в городах особого отношения к земле, а именно практики равного распределения земли между горожанами, своего рода наделной системы в городах. Разумеется, мы не сможем увидеть ни того, как создается эта система — для этого следовало бы заглянуть в слишком далекое прошлое того, как она функционирует в уже созданном виде. Мы можем увидеть лишь то, как она воссоздается. Лучшее время для этого — моменты расширения городского дистрикта или крупных земельных перемен. Один из самых известных в литературе фактор подобного рода относится к Дубровнику XIV века. В 1333. г. Дубровник приобрел земли на п-ове Пелешац (ок. 45 тыс. га) и специальная комиссия разделила земли на 30 крупных долей — „десятины” (decennae) каждая из которых была в свою очередь разделена на 10 более мелких кусков, „частей” (partes).³⁴ И уже после этого раздела полученные доли распределялись между горожанами. Уже округленный характер приведенных выше чисел не оставляет сомнений в том, что здесь мы имеем дело с заранее спланированной четкостью в распределении земли. Кроме того, по более поздним данным можно судить о том, что „десятины” и „части” были равного размера. По разделу 1399 г. каждая часть равнялась 0,55 га, а каждая десятина соответственно 5,5 га. Эта установка на равномерное распределение земли была выдержана и тридцать лет спустя, когда в 1366 г. Дубровник приобрел новые территории в Астарее, разделив их на 24 десятины, и в 1399 г., когда 29 десятин было нарезано в Приморье. Таким образом, традиция равномерного распределения земли оказывается весьма устойчивой.

Исследователи, как правило, обращают внимание на то, как много земель в итоге этих разделов оказалось в руках патрициата (ок. 70%) и как мало у рядовых горожан, пучан (ок. 30%). Ничего удивительного в этом, кстати, нет — именно патрициат, по тогдашнему убеждению, целиком (или по преимуществу) воплощал в себе все права коммуны. Важно обратить внимание на другое, на что до сих пор почти не обращали внимания — на у р а в н и т е л ь н ы й характер этого межевания. Совершенно не случайно, что именно в среде того слоя, который считается олицетворением коммуны, эта тяга к равенству выражена наиболее сильно. Учтем при этом, что дело происходит в годы, когда Дубровник стал признанным коммерческим центром и в городе вполне можно было ожидать вспышки денежных страстей по поводу земли. И тем не менее землю делят поровну. Это может означать только, то что в сознании торожан прочно сохраняются яркие эгалитарные представления.

Параллель к тому, что мы наблюдаем в Дубровнике, можно отыскать в Задаре и тоже в момент серьезной аграрной перестройки. В 1243 г., подавив очередное восстание в городе, Венеция начала выселять из Задара местных нобилей и заселять его своими гражданами. В связи с

этим венецианский наместник в Задаре Л. Квирини получил распоряжение разделить освободившиеся земли на 700 как можно более одинаковых (*equaliores*) долей и часть из них выделить венецианским новопоселенцам.³⁵ Вряд ли это выделение равных наделов было произведено абсолютно заново. Это можно было бы предположить, если бы венецианцы решились бы полностью разрушить весь предшествующий строй города. Они этого делать не собирались, в 1247 г. они вернули всех изгнанных назад в город, да и сейчас они решили отдать своим людям только часть наделов. Ясно, что деление земель на равные доли было своего рода признанием сложившегося положения вещей.

Благодаря усилиям Л. Маргетича удалось обнаружить следы подобной практики и в других далматинских коммунах, например, в Которе есть свидетельства того же рода, в обильном количестве и также в момент радикального земельного переустройства. В 1306—1307 гг. Которская коммуна приобрела Грбальскую шпугу, а в последующие годы, был произведен раздел ее на 45 долей, которые получили выразительное название „жребиев” (ждробов).³⁶ „Ждробови” делились на „караты” и Л. Маргетичу удалось обнаружить многочисленные свидетельства об этих каратах и в нотариальных актах где они именуются *partes*.³⁷ Между прочим, распределение этих каратов производилось также по жребию (*per sortem*)³⁸ и этим, видимо, объясняется то, что и караты, т. е. мелкие части „ждробов”, выпадавшие на долю отдельных горожан, тоже назывались „ждробами”. Понятие „жребий” и в его большом и в малом варианте выразительно характеризует идею равенства, которую горожане стремились провести в жизнь применительно к земле.

Правда, ни в Сплите ни в Трогире нет таких же выразительных примеров этой эгалитарной практики, хотя на сплитском материале можно увидеть доказательство того, как общинные земли делятся если не между всеми горожанами, то между нобилиями.³⁹ Но и приведенных выше примеров достаточно для того, чтобы убедиться, что речь идет не о случайных совпадениях. На мой взгляд, во всех этих случаях речь идет о мощной общинной традиции, традиции, свойственной крестьянскому быту, практике, сознанию, но неожиданным образом проявляющейся в деятельности горожан. Удивительно только, что эта практика находит выражение так поздно и Л. Маргетич с полным основанием спрашивает: „почему то этих разделов дошло только в XIV и XV вв?”⁴⁰ Мы должны полностью согласиться с автором, когда он предполагает, что „речь идет о способе раздела, который вне сомнения существует и до исторически засвидетельствованных разделов... Скорее всего речь идет об очень старом порядке, использованном во время основания и расширения средиземноморских городов много раньше XIV века”.⁴¹ Ссылаясь в подтверждение этих своих слоев на нормы раздела земли в античных греческих колониях Адриатики, Л. Маргетич намечает тем самым аналогию, которая мне представляется очень убедительной и к которой я еще собираюсь вернуться.

Я бы только добавил, что, по-видимому, практика уравнительного распределения земли между горожанами существует в городе постоянно и не случайно в Которе рядом с крупными „ждробами”, полученными

в результате раздела Грбальской жупы, существуют и мелкие „ждебры” в собственности отдельных домохозяйств.⁴² Но эти последние, издавна существующие земельные наделы горожан проходят незамеченными при записи городских статутов, как всегда проходит незамеченным в обычном праве все общепринятое и издавна утвержденное. Всем исследователям обычного права в Европе хорошо известен этот парадокс когда явлений, вошедших во всеобщее употребление, невозможно обнаружить на страницах „варварских” правд (Салической, Саксонской или Русской Правд). Старый порядок бросается всем в глаза только тогда, когда он получил новую жизнь применительно к новым, только что приобретенным землям. В XIV в. эгалитарные тенденции в поземельной практике горожан не родились, а только были вызваны из небытия.

Но почему в жизни горожан такое значительное место должна была занимать земля? Здесь мы подходим ко второй особенности средневековой далматинской коммуны, к чрезвычайно высокой роли земельной собственности.

Города с повышенным числом земледельцев, „аграрные” города в последнее время все чаще привлекают внимание исследователей,⁴³ балканские же города в этом отношении особенно характерны — в них всегда жило множество земледельцев. Но то, что естественно для застойных глубин Балканского полуострова, становится трудно объяснимым для торгово-ремесленных центров с побережья. А между тем изучение экономико-социальной структуры далматинских городов свидетельствует о том, что очень существенная часть населения, во всяком случае никак не меньше 50% это земледельцы или попросту крестьяне, живущие в городских стенах. Да что средневековые! Еще в XIX в. от 60 до 85% населения в этих городах продолжало заниматься сельским хозяйством.

Аграрные занятия горожан заставляют видеть во многих из них также и землевладельцев и, таким образом, город оказывается также и центром землевладения. Удивить медиевиста тем, что город владеет окрестной землей, конечно, невозможно: по всей Европе это встречается повсеместно. Нужно только обратить внимание на специфические особенности этого городского землевладения в Далмации. Во-первых, в дополнимельным источником дохода и земли, как правило, сдаются большинству европейских стран землевладение для горожан является дополнительным источником дохода и земли, как правило, сдаются в держание зависимым крестьянам. В Далмации эти земли чаще всего выступают в качестве единственного источника существования для горожанина и он обрабатывает их собственным трудом. Во-вторых, в других странах эти земли нередко являются результатом скупки, т. е. сравнительно позднего внедрения города в деревню. В Далмации мы имеем дело и с гораздо более ранним процессом и обратного свойства — не горожане скупают землю, а крестьяне, переселяясь в города, сохраняют и землю и свои прежние занятия. Об этом переселении, сселении крестьян в города следует сказать чуть подробнее.

Проблема „астареи”, пригодной зоны, древнейшей городской территории в последние годы все чаще привлекает внимание исследователей.⁴⁴ Деревенские поселения, как правило, отсутствуют (или их нем-

ного) в этой зоне. О том, куда они исчезли, можно составить некоторые представления по данным полевых исследований. М. Суич несколько лет назад использовал свидетельства аэрофотосъемки для того, чтобы проверить, нет ли в окрестностях далматинских городов следов той римской системы межевания, которая вошла в историю под названием *agri centuriati*. Оказалось, что на протяжении нескольких десятков квадратных километров вокруг Задара, Сплита, Пулы (в Истрии) поля и по сей день хранят следы каменных изгородей, намеченных еще римскими землемерами.⁴⁵ Таким образом, воздействие античной аграрной практики оказалось значительно более длительным, чем это представлялось до сих пор. Следовательно, села здесь отсутствовали еще с римских времен. А почему они не воссоздались с приходом славян, повидимому, можно погадываться следующим образом. В свое время существовало мнение о том, что древние Славяне, поселившиеся в Далмации в VII в., оттеснили местное население, *Romani*, и заперли их в городских стенах. Но, судя по открытиям М. Суича, дело, повидимому, обстояло иначе. *Romani* („романцы“) не только сохранили свои земли, но и воспрепятствовали созданию на них славянских деревень. Единственным поселением, где жители и собственники и земледельцы, оказался город.

Не исключено, что этот процесс был впоследствии дополнен и иной практикой — крестьяне уже возникших деревень стали переселяться в город. Доказательства этому мы видим и среди данных IX в., когда несколько поселков селятся в Дубровник, и в более поздних (XIII веке) свидетельствах относительно села Острог, лежащего примерно на полпути между Сплитом и Трогиром. Оба города вели из-за него длительную войну и внимание историков до сих пор было привлечено к решению вопроса о том, кто выиграл эту войну, кому достался Острог. Основой для размышлений по этому поводу явилось решение комиссии арбитров в составе шибеникского князя Юрия Брибирского и задарских нобилей Престе Котопанья и Домальда Задулини.⁴⁶ Самые авторитетные мнения были высказаны в том духе, что село не досталось ни Сплиту ни Трогиру, а было оставлено за потомками древних обитателей села, тех, за которыми сохранилось наименование „дидичи“.⁴⁷ Этот вывод в последнее время подвергся пересмотру Л. Маргетичем, по мнению которого Острог все же попал в руки трогирян.⁴⁸ Однако нам сейчас важны не эти выводы, нам важно отметить, что дидичи, за которыми остались их земли в Остроге, жили не в селе, а либо в Трогире либо в Сплите (*omnibus illis comorantibus Spaleti vel Tragurii* (подчеркнуто мной — М. Ф.) *qui vulgariter lingua Sclavonica dedigi appellantur*).⁴⁹ Таким образом, и переселившись в города, выходцы не утратили связи с землей, сохранив и собственность на нее у даже название „дидичи“. Так подтверждается наметившаяся закономерность — город формируется не только как сосредоточие рыночных связей и ремесленно-производства, но как центр замлевладения. Вот почему новейшие исследования обнаруживают в составе городского населения такое количество земледельцев, а между городом и сельской округой — такую тесную ограничительную связь.⁵⁰

Наконец, еще одно доказательство существования общинных традиций в сознании горожан. Это — порядок выполнения общественных обязанностей на службе у города. Выборных служб в городе было немало и порядок их замещения был сравнительно единообразен во всех городах, о чем мы хорошо знаем из статутів XIV в.⁵¹ Он заключался в том, что члены Большого совета, а ими в XIV в. являлись исключительно патриции, *nobiles*, поочередно, на полгода или на 3 месяца занимали эти должности. Расчет при этом был таков, чтобы в течение года на этих службах побывало все патрицианское население города, т. е. все взрослые мужчины-нобили. Отправление магистратур, как и членство в Большом совете, являлось таким образом монополией нобилитета. Эти обстоятельства достаточно хорошо известны в науке. Но вот факты, которые до сих пор не учитывались.

Может показаться, что подавляющая часть членов коммуны была отстранена от участия в городских службах, — нобилитет составлял в городе не более 5% населения. Но нет! Господствующая правовая теория гласила, что коммуну, *comunitas*, составляют только члены Большого совета, т. е. нобили, а все остальное население входит в состав так наз. *universitas* и находится **за пределами коммуны!** Парадоксально, но факт: подавляющее большинство горожан было дискриминировано — им было отказано в праве считаться членами коммуны.⁵² Но нам сейчас важно прежде всего отметить, что город могли обслуживать только те, кто формально был включен в этот органичный гражданский коллектив — *comunitas*.

И второе обстоятельство: эти службы в пользу коммуны должны были выполняться бесплатно. В городском праве специально оговаривалось деление магистратур на две категории: высшие, замещаемые нобиями, и низшие, предназначенные для простолюдинов, *пополанов*. Вторые магистратуры оплачивались, и весьма своеобразно: чем ниже в иерархии городских служб находилась должность, чем дальше от высших, патрицианских она отстояла, тем больше полагалось денег за ее отправление.⁵³ Иными словами, в городе господствует убеждение в том, что **безвозмездное отправление служб** (своего рода „литургий“) **в пользу города является привилегией** (или обязанностью?) **полноправных горожан.**

Мне представляется, что все отмеченные выше особенности далматинского города заставляют искать аналогию античным полисом. Нельзя сказать, чтобы эта аналогия до сих пор проходила бы вне внимания исследователей. На протяжении ряда лет Н. Клаич развивает мысль о полисной организации, как основе средневекового городского (и не только городского) устройства в Далмации. Иногда она отмечает прямую преемственность античных и средневековых порядков,⁵⁴ в других случаях ее внимание привлекает тот факт, что и городское и сельское население пользуется одинаковыми правами, а город и село настолько походят друг на друга, что селу недостает только стен.⁵⁵ Эти мысли верны в своей основе, следует только отвергнуть преувеличенное представление о том, что „античный полис... (образует) тот фундамент, на котором средние века строят **всю** (подчеркнуто мной — М. Ф.) политическую

и общественную организацию”.⁵⁶ Однако, как ни справедлива эта мысль, о сходстве полисных и средневековых городских порядков, Н. Клаич ее никак не аргументирует. Остается совершенно неясным, какие конкретные черты полиса повторяются (или, может быть, даже воссоздаются) в облике средневекового далматинского города. Для того, чтобы о них можно было бы судить, я хотел бы напомнить в самом сжатом виде особенности полисного коллектива граждан.

Прежде всего вспомним определение собственности, лежащей в основе полисного строя, а ею являлась земельная собственность. Полисная организация, по мнению, принятому в современной науке, — это такая организация, которая наилучшим образом обеспечивала коллективу собственников осуществление права на земельную собственность, а также управление ею и ее защиту. Основные черты полиса и являются своеобразными „гарантиями” этого права собственности. Реконструируя мнения древних авторов, мы можем назвать четыре основных таких черты. 1) Только полноправный гражданин обладал правом собственности, и это право выражалось в факте существования *ager publicus*; 2) гражданство в полисе было градуированным — население делилось на полноправных, неполноправных и бесправных и последние две категории подвергались эксплуатации со стороны первой. Поэтому важной особенностью полиса была охрана гражданства; 3) народное собрание — третий и важнейший элемент полисной организации, своего рода воплощение полисной собственности: только оно и могло распоряжаться землей; 4) наконец, „обозримость” полисной территории, сравнительно небольшие размеры классического полиса. Сюда же можно присоединить и обязанность граждан служить своему полису, преимущественно с оружием в руках. — Таковы основные особенности полиса как социального организма, реконструируемые может быть, не столько из практики, сколько теоретически, из сочинений античных писателей, но тем не менее дающие повод для размышлений и сопоставлений.

Трудно отделаться от впечатления, что те черты раннесредневековой городской общины в Далмации, на которых мы останавливались выше, настойчиво вызывают в памяти античную полисную организацию. В самом деле, здесь налицо и тесная связь горожанина с землевладением и, следовательно, нерасторжимое единство города и его округа; и равные права горожан (или какой-то их части) на землю; и принадлежность к коллективу, противостоящему окружающему его миру; и, наконец, право-обязанность безвозмездно служить своему городу — все то, что представляет бесспорную параллель ведущим принципам полисного строя. Не дает ли это нам право говорить о типологическом сходстве?

Чем можно объяснить этот феномен? Здесь наши заключения поневоле приобретут гипотетический характер. Во-первых, следует отметить, что полисная организация не случайно возникла в замкнутых границах, внутри небольших долин, ограниченных горами и морем. Именно эта легкая обозримость, ограниченность территории легла в основу тесной связи сельской округи с ее центром, куда было просто добраться на суд, народное собрание, рынок. Точно такие же условия мы видим повсе-

местно в Далмации, где либо горы близко подходят к морю, оставляя совсем немного места для земледелия, либо жизнь развивается на островах. В этих условиях единство города и округи становится особенно тесным, город оказывается необычайно близок окрестным крестьянам. Прежде всего он их естественная защита, место, куда они постоянно стекаются в момент опасности, это общеевропейская функция *Fluchtburg'a*, особенно заметная на островах, которые непрерывно грабили пираты. Затем — он центр суда, куда им все время приходится обращаться. Наконец, часто он — самое удобное место для поселения, где нет болот, есть свежая вода и где выгодно обосноваться. Так возникает тяга окрестных земледельцев под защиту городских „стен” (их еще нет в X—XI вв.), которая наполнит город сельскохозяйственным населением, своего рода средневековый „синойкизм”. Миниатюрность городской округи позволит жителям города сохранить самые тесные связи с землей — и владеть окрестными виноградниками и обрабатывать их. Таким образом, такая черта полисного строя, как связь города с землевладением отмечена в средневековых городских общинах в Далмации в силу специфических природных обстоятельств.

Вторым обстоятельством, заслуживающим быть отмеченным в этой связи, я назвал бы не необходимость противостоять каким-либо враждебным силам. Известно, что полисный коллектив спланировала потребность о противостоянии всем, не имевшим гражданских прав и эта категория была широка — от метеков до рабов. Она ощущалась гражданами полиса постоянно и в непосредственной близости — все они жили внутри городских стен. В раннесредневековом городе такой близости нет, силы, противопоставленные ему, находятся за его пределами, но это достаточно могущественные силы. Не будем говорить о Венеции. Это (в хронологической последовательности) славянские племена, завоевавшие Далмацию, затем славянские княжества, от которых пришлось откупаться данью, впоследствии — феодальные суверены типа князя Домальда или бана Павла и Младена Шубичей. В большинстве случаев это противостояние носило не только политический, но и социальный характер, город был противопоставлен феодальному миру и боролся именно за свои особые социальные интересы. Единство горожан осознавалось именно в социальном плане. Нерадом, заметим попутно, социальные антогонизмы в далматинской коммуне, даже развитой коммуне XIV в., ощущались сравнительно слабо — на первый план выдвигались различия публичноправового или потического порядка. Это несомненно результат того, что члены городской коммуны — и горожане и дистриктуалы — сколько-нибудь заметных общественных различий между собой не ощущали. Неудивительно, что эта социальная конфронтация с внешним миром заставляла все время быть наготове и военные силы города. Правда, войны были мелкотравчаты, незначительны и велись не только с феодальным окружением, но и между отдельными городами (впрочем, хорошо известно, что каждый город по отношению к другому играл роль внешней силы). Но военную организацию горожан, необходимость иметь ополчение эти войны непрерывно стимули-

ровали. Мы должны вспомнить, какую роль в становлении полиса, по мысли Маркса, играл военный фактор.⁵⁷

Все эти, только что перечисленные факторы с наибольшей силой проявляются тогда, когда еще не получили развития факторы экономического прогресса — разделение труда, концентрация в городе ремесленного населения, рост обмена, развитие товарного хозяйства и денежного обращения. Именно поэтому расцвет общинных отношений в городе и приходится на эту раннюю эпоху X—XI вв. В позднем же городе общинные связи сохраняются лишь в реликтовой форме. Но нелишне напомнить, что и в античности „чистый” полис либо приходится на достаточно раннее время, либо существует, как в Спарте, в застойных городских обществах. Время его полного выражения и здесь падает на ранний этап городской эволюции.

Мы намеренно отказываемся предложить наметившуюся аналогию для других регионов Европы. Наша задача заключалась в анализе явлений сложившихся на Балканах. Но здесь мы, по всей видимости, имеем дело с существованием какого-то **пра-общинного эталона, который воспроизводит себя в сходных общественных коллективах (греческом полисе, далматинской городской общине)**, возможно, под воздействием одних и тех же природных условий и до того, как развитие производства и обмена создает более сложную городскую структуру.

BILJEŠKE

¹ С. Fisković. Kulturna sredina Trogira u doba pojave njegove ljekarne. — Radovi međunarodnog simpozija održanog prigodom proslave 700. obljetnice spomena ljekarne u Trogiru. Zagreb, 1973, str. 45—66; isti. Splitska renesansna sredina. — *Mogućnosti*, 1976, broj 3—4, str. 340—364. (об этих работах см. М. М. Фрейденберг. О городской культуре средневековой Далмации. — Вопросы истории, 1978, No 4, стр. 189—190).

² Brandt M. Neki elementi komunalnog razvitka srednjovjekovnog Zadra do polovine XI st. — *Zadarska revija* (ZR), str. 144—158. 1967, br. 203, N. Klaić. Neki problemi srednjovjekovne povijesti Zadra. — *Zadar. Zbornik*. Zagreb, 1964, str. 126—140; ista. Tribuni i consules zadarskih isprava X i XI stoljeća — *Зборник радова Бизантолошког института (ЗРВИ)*, књ. XI. Београд, 1968, стр. 67—98; L. Margetić. Creske općine u svijetlu isprava od 5. listopada 1283. i pitanje kontinuiteta dalmatinskih gradskih općina. — *Radovi Instituta za hrvatsku povijest (RIHP)*, sv. 7. Zagreb, 1975, str. 5—80; isti. Tribuni i u srednjovjekovnim dalmatinskim gradskim općinama. *ЗРВИ*, књ. XVI, стр. 25—51; isti. Dioba općinskih zemljišta u nekim srednjovjekovnim dalmatinskim komunama. — *Starine JAZU*, knj. 56. Zagreb, 1975, str. 5—36.

³ Die Städte Mitteleuropas im 12. und 13. Jahrhundert, Schriftleitung W. Rausch. Linz, 1963; Stadt und Stadtherr im 14. Jahrhundert. Entwicklung und Funktionen. Hsg. W. Rausch. Linz/Donau, 1972; Die Stadt am Ausgang des Mittelalters. Hsg. W. Rausch. Linz/Donau, 1974; E. Ennen. Die europäische Stadt des Mittelalters. Göttingen, 1972.

⁴ Как это предлагает, например, Н. Клаич (N. Klaić. Neki problemi... стр. 132).

⁵ M. Kostrenčić. Slobode dalmatinskih gradova po tipu trogirskom. — Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti (JAZU), knj. 239. Zagreb, 1930.

⁶ N. Klaić. O autentičnosti privilegija trogirskog tipa. — Zbornik Instituta za historijske nauke u Zadru, sv. II. Zadar, 1958, str. 77—88; G. Györffy. O kritici dalmatinskih privilegija 12. stoljeća. — Zbornik Historijskog instituta (ZHI), sv. 6. Zagreb, 1969, str. 97—108; N. Klaić. Još jednom o tzv. privilegijama trogirskog tipa. — Историјски часопис, 20. Београд, 1973, стр. 15—87.

⁷ Н. Клаич без оговорок признает этот характер коммун за далматинскими городами начала XII в. („Коломаново завоевание дает далматинским коммунам совсем новое положение“) (N. Klaić. Povijest Hrvata u razvijenom srednjem vijeku, Zagreb, 1976, str. 11.) Хотя на мой взгляд стоило бы хоть намекнуть на то, что эти коммуны переживают процесс становления.

⁸ Codex diplomaticus regni Croatiae..., ed. T. Smičiklas (CD), I str. 184.

⁹ M. Rešetar. Dubrovačko Veliko vijeće. — Dubrovnik. Dubrovnik, 1929 broj 3.

¹⁰ I. Beuc. Statut zadarske komune iz godine 1305. — Vjesnik državnog arhiva u Rijeci (VDAR), sv. II. Rijeka, 1954, str. 511.

¹¹ I. Petricioli. Lik Zadra u srednjem vijeku. — Radovi Instituta JAZU u Zadru (RIZ), sv. 11—12. Zadar, 1965, str. 160—161.

¹² I. Petricioli, op. cit., str. 161; CD VI, 201; M. Barada, Trogirski spomenici, vol. I. Zagreb, 1948, str. 438 (TS).

¹³ I. Beuc, op. cit., str. 545.

¹⁴ TS III (Zagreb, 1951), 7, 14, 87; u: Inchiostri. Varietà patrie. — Nuova chronista di Sebenico, vol. 1. Trieste, 1893, p. 52; A. Cvitanić. Pravno uređenje Splitske komune po statutu iz 1312. godine. Split, 1964, str. 30. isti. Doprinos pravnika iz talijanske regije Marche oblikovanju splitskog statutarnog prava. — Godišnjak Pravnog fakulteta u Sarajevu XXIII. Sarajevo, 1975, str. 16—18.

¹⁵ „Нам недостает характеристики (‘приказ’) состояния, в котором городские общины находились до формирования коммуны“ (N. Klaić. Neki problemi..., str. 132).

¹⁶ L. Margetić. Creske općine.

¹⁷ N. Klaić. Odnos grada i sela na istočnoj obali u ranom srednjem vijeku. — Jugoslavenski historijski časopis (JIC). Beograd, 1973, broj 3—4, str. 65—71;

¹⁸ См. Котельникова Л. А. Городская община в Средней и Северной Италии в VIII—IX вв.: действительность раннего средневековья и античные традиции. — „Страны Средиземноморья в эпоху феодализма“, вып. 2. Горький, 1975, стр. 60—72.

^{18a} J. Ферлуга. Византиска управа у Далмацији. Београд, 1957.

¹⁹ См. об этом: N. Klaić. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1971, str. 37—38.

²⁰ Constantine Porphyrogenitos de administrando imperio, ed. G. Moravcsik et R. J. H. Jenkins. Budapest, 1949, p. 149; N. Klaić. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku, str. 243—244.

²¹ Как в свое время полагал М. Костренчич (M. Kostrenčić. Postanak sredovječnih dalmatinskih gradova. Šišićev zbornik. Zagreb, 1930). L. Margetić. Creske općine..., str. 47—57.

²² L. Margetić, op. cit., str.

²³ N. Klaić. Tribuni i consules..., str.

²⁴ L. Margetić. Creske općine..., str. 61—69; isti. Tribuni..., str. 50—51.

²⁵ L. Margetić. Tribuni..., str. 38—43, 44, 47, 51.

²⁶ L. Margetić. Neki aspekti razvoja organa suđenja u hrvatskim primorskim krajevima u XII i XIII stoljeću. — Historijski zbornik (HZ), god. XXIX—XXX. Zagreb, 1977, str. 99—100.

²⁷ Diplomatički zbornik kraljevine Hrvatske, Dalmacije et Slavonije. Red. M. Kostrenčić. Zagreb, 1967 (DZ), str. 45, 54—58, 69, 79, 85, 98, 109, 137—139, 145, 167, 191, 198, 200, 207, 208.

²⁸ DZ 54, 55, 56, 145, 167, 197.

²⁹ Часто приводится пример того, как приор Драго зачитывает не общей сходке грамоту (о дарении о-ва Врграда), а горожане лишь восклицают: fiat! fiat! (DZ, str. 205).

³⁰ L. Margetić. Creske općine . . . , str. 54.

³¹ CD III, 226.

³² CD III, 431.

³³ G. Novak. Povijest Splita. I, Split, 1957, str. 276—277.

³⁴ D. Roller. Agrarno-proizvodni odnosi na području Dubrovačke republike od XIII. do XV. stoljeća. Zagreb, 1955, str. 46—53; J. Lučić. Stjecanje, dioba i borba za očuvanje Dubrovačkog Primorja 1399—1405. — Arhivski vjesnik, sv. XI—XII. Zagreb, 1968—1969, str. 127—130.

³⁵ И. Синдик. Комунално уређење Котора од друге половине XII до почетка XV stoleћа. Посебна издања САН, кн СХХV. Белград, 1928, стр. 28, 58.

³⁶ И. Синдик. Комунално уређење Котора од друге половине XII до XV stoleћа. Посевна издања САН, кн СХХV. Белград, 1928, стр. 28, 58.

³⁷ Kotorski spomenici, ed. A. Mayer. Zagreb, 1951, str. 97, 399, 405, 416, 420, 436 (L. Margetić. Dioba . . . , str. 20). Типичный образец: tres partes de srebi.

³⁸ И. Синдик, op. cit., str. 58;

³⁹ L. Margetić. Dioba . . . , str. 22—23.

⁴⁰ Ibidem, str. 35.

⁴¹ Ibidem, str. 36.

⁴² См. не отмеченные Л. Маргетичем примеры из Kotorski spomenici — cum domo . . . et cum srebi (str. 78), do sibi . . . duos strebos (str. 142), srebi meum (str. 222).

⁴³ См., например, Бачкай В. О. характере и роли аграрных городов и Венгерском государстве XV в. Сб. „Средние века”, вып. 36, М., 1973, с. 50—68.

⁴⁴ Наиболее подробно она пазработана на дубровницком материале (см. J. Lucić. Prošlost Dubrovačke Astoreje. Dubrovnik, 1970.)

⁴⁵ M. Suić. Ostaci limitacije naših primorskih gradova u ranom srednjem vijeku. — Starohrvatska prosvjeta, sv. 5. Zagreb, 1956, str. 7—19.

⁴⁷ CD VI, 206—211.

⁴⁸ M. Horvat. Das Trogirer »Zavod« — Buch von Jahre 1326. — Studien zur älteren Geschichte Osteuropas. I, Graz—Köln, 1956, S. 47; G. Novak. Povijest Splita, sv. I. Split, 1957, str. 118—121; M. Barada. Hrvatski vlasteoski feudalizam. Zagreb, 1952, str. 29.

⁴⁹ CD VI, 208.

⁵⁰ См. Т. Раукар. Zadar u XV stoljeću. Ekonomski razvoj i društveni odnosi. См. по этому поводу — М. М. Фрейденберг. Внутренняя жизнь далматинского города. Размышления по поводу книги Т. Раукара. — В кн.: Хозяйство и общество на Балканах в средние века. Калинин, 1978 (в печати).

⁵¹ A. Cvitanić. Pravno uređenje . . . , str. 83—94.

⁵² Различие в политических правах не мешало всем горожанам и даже жителям округи пользоваться одинаковыми имущественными правами, в этом смысле Н. Клаич права („с частноправовой точки зрения все жители . . . имели одинаковые права”) (подчеркнуто Н. Клаич) N. Klaić. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku, str. 154.

⁵³ М. М. Фрейденберг »Populares« средневекового далматинского города. — Вопросы всеобщей истории, Калинин, 1971, с. 87—89.

⁵⁴ „Неретване очень быстро усваивают античные представления и очень быстро возникает новый, сейчас уже славянский полис” (N. Klaić. Odnos . . . , str. 67, 69).

⁵⁵ N. Klaić. Društvena previranja i bune u Hrvatskoj . . . Zagreb, 1976, str. 17, 26.

⁵⁶ N. Klaić. Društvena struktura kvarnerske općine u razvijenom srednjem vijeku. — Krčki zbornik, 2. Krk, 1971, str. 128. Эта идея пользуется поддержкой Т. Раукара (Т. Raukar. Zadar . . . , str. 85).

⁵⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 465.

THE CITY COMMUNE IN MEDIAEVALS DALMATIA AND THE ANCIENT CITY POLIS

by M. Mihajlovič-Freidenberg

The author starts with the statement that the ancient city commune has recently much been studied and that we are faced with a real explosion of interest for the earlier historical periods of the Dalmatian cities. A number of sources from those periods is accessible to scholars, and the history of the mediaeval Dalmatian cities presents a picture of real life, able to be compared with the phenomena of the European history.

A series of examples from the communal life in the cities of Zadar, Split, Trogir and Kotor, covering the period between 1260 and 1400 are quoted by the author. That was a period of a stirring development of all forms of life, a period of development of the city commune and administration. We learn the »Consilium generale maius« of Dubrovnik for the first time in 1235, of Split in 1241, and of Zadar about 1260.

Municipal offices for keeping of documents, offices of public notaries, archives and other elements of city administration have been established in the 13th century. The communal laws and statutes came into being at Split, Zadar, Trogir and Šibenik.

The article then covers the period of the autonomous cities, extending from 1100 to 1260, preceded by an earlier form of communes, which the author tries to prove. The beginning of that stage probably was in the second half of the 9th century.

Then follow sporadic data relating to the emergence of trades, market-places, fish-markets, etc., which period is called pre-communal by the author. There are no elected functions yet, and the city has not yet its definite shape with regard to planning, architecture, etc. The author emphasizes the existence of tribunes in the mediaeval Dalmatian cities. The relation to land and the distribution of land among the citizens is specially presented. Examples are quoted in connection with land on the Peninsula of Pelješac, in Kotor, Trogir, and Zadar. There is also some information about the colonization of Venetian citizens in Zadar.

The distribution of communal land in Split is also dealt with. This, according to the author, became a tradition in the city, and also a peculiar rustic way of life and consciousness.

The question why land takes such a significant place in the life of citizens is also answered by the author. The penetration of peasants into the cities from the Roman era on is widely described. According to M. Suić, who had made investigations in the environs of Dalmatian cities in order to find out whether there are traces of the Roman system of field walls, known as »agri centuriati«, established ten of thousands kilometres of such traces in the fields around Zadar, Split, Pula. That ancient agrarian practice survived many centuries.

The author then surveys the municipal services known from the ancient city statutes. The commune was constituted only by the members of the Major Council, i. e. the mobility, while the remaining citizens composed a body called »universitas«. The services were rendered without remuneration. The magistracy was divided into two categories: a higher one (the nobility) and a lower one (common people).

Closing his article, the author emphasizes that all the exposed characteristics of the Dalmatian cities should be sought in analogy with the ancient polis.